Бойся песков

Валерий Нечипоренко

SHOUT
SHARE
IT

- Нечипоренко Валерий

Нечипоренко Валерий
Бойся песков

Валерий Нечипоренко
БОЙСЯ ПЕСКОВ

С легкой руки сэра Артура Конан Дойла затерянный мир обычно ищут среди непроходимых дебрей и болот, за стеной отвесных скал. Однако же на планете существует немало мест, внешне открытых, кажущихся легкодоступными, но в действительности столь обособленных, что там до сих пор едва ли ступала нога человека.

Если вы посмотрите на карту Азии, то восточнее Каспия легко отыщете плато Устюрт гигантский стол, поднимающийся над уровнем моря в среднем на 120-180 метров и простирающийся до самого Арала. Несмотря на то, что через северную оконечность плато в начале 70-х пролегли железная дорога и газопровод, что здесь добывают газ и калийные соли, Устюрт по-прежнему остается одной из самых безжизненных территорий планеты. По сравнению с ним раскинувшиеся по соседству неласковые Каракумы поистине райский сад. Недаром каракалпаки и туркмены говорят: Барса-Кельмес пойдешь не вернешься. (Так называется и один из островов в Аральском море).

Я не стану решительно настаивать на версии о подлинности песчаного чудовища, и все же...

Впервые я услышал о нем четверть века назад.

В ту пору, будучи молодым специалистом по строительству высоковольтных линий, я сидел с бригадой монтажников на станции Ак-Чалак. Так именовался крохотный разъезд на только что построенной через Устюрт железной дороге, по которому еще не началось регулярное движение поездов.

Был саратан самый знойный период лета. Солнце, будто насмехаясь, раскаляло и без того растрескавшуюся, твердую, как бетон, землю. Соль выступала, казалось, даже на рельсах, к которым невозможно было притронуться. Далеко на горизонте желтели крутые уступы чинки.

Мы столпились у короткого состава: раз в две недели, по четвергам, локомотив прикатывал из Кунграда цистерну с теплой солоноватой водой и вагон-магазин с неизменным ассортиментом: хлеб, рыбные консервы, макароны, чай, сигареты.

Внезапно раздался удивленный возглас. Кто-то из наших заметил, что по гребню чинков движутся три точки. На миг мы

забыли о покупках: ведь за полтора месяца в той стороне не случалось увидеть даже парящей птицы.

Прошло, должно быть, часа полтора, когда к разъезду приблизился небольшой карнавал.

Впереди шел поджарый кочевник в пропыленном ватном халате и высокой бараньей шапке, такой древний, что его лицо, казалось, состоит из одних морщин. В поводу он вел навьюченного двугорбого верблюда. Сам ступал с той неторопливой легкостью, какая отличает людей, привыкших ежедневно покрывать пешком десятки километров.

На втором верблюде величественно восседала полная женщина средних лет в длинном темном платье, черном бархатном жилете и коричневых ичигах легких восточных сапожках. Ее голова была повязана цветастым платком, но широкое азиатское лицо оставалось открытым у кочевников женщины никогда не носили чадру.

Замыкал шествие третий верблюд, на котором сидел мужчина неопределенного возраста, чрезвычайно изможденный. Он раскачивался между горбов, как китайский болванчик, рискуя вот-вот свалиться. На его голове красовалась мятая соломенная шляпа, одежда же более заслуживала именоваться лохмотьями.

Верблюды ступали след в след, хотя вокруг была необъятная ширь.

По местному обычаю, мы пригласили путников к столу. Объяснялись жестами, ибо кочевники, как правило, совершенно не понимают по-русски, а может, просто делают вид, что не понимают.

Господи, неужели добрался?! воскликнул вдруг на чистейшем русском языке третий путник и всхлипнул.

Мы изумленно пригляделись. Белесые ресницы, а в особенности курносый нос выдавали в нем славянина.

За столом он поведал нам свою удивительную историю.

Вот вкратце его рассказ.

Меня зовут Александр Гуслянников, Алик. Сам я ленинградский, а в Кунград приехал на два года по найму. Устроился водителем в управление механизации. На позапрошлой неделе мой начальник вызывает меня и говорит:

Алик, мои кавказские родственники купили для меня машину. Надо перегнать. Возьмешься?

Я согласился не раздумывая. Отчего не посмотреть новые места?

Самолетом добрался до Баку, там принял машину новенькую молочную Волгу и вместе с ней погрузился на паром до Красноводска. Далее я намеревался ехать через Ашхабад Мары

Чарджоу Ташауз. Крюк ого-го!

На пароме, на свою беду, сошелся я с одним туркменом из Куня-Ургенча. Хороший мужик, звать Курбан. Он тоже перегонял машину Москвич и, значит, были мы попутчики.

Узнав о моих планах, он рассмеялся:

Зачем через Мары? Поедем напрямую. Раза в четыре короче.

Как напрямую? удивляюсь. Через Устюрт, что ли?

Конечно!

Да ты что?! Заплутаем!

Не бойся, дорогой. Многие ездят через Устюрт. Я сам три раза ездил. Есть накатанная колея. Есть приметы. Надо только не сворачивать и держаться подальше от песков.

Он говорил с такой уверенностью, что я не только согласился, но и загорелся идеей. Я вообще заводной.

Словом, когда через сутки мы вошли в красноводский порт, я был твердо настроен на короткую дорогу.

Ранним утром мы отправились в путь. Но едва отъехали от Красноводска, как у Москвича застучал мотор. Пришлось Курбану остаться. Мне бы, дураку, повернуть обратно, да куда там! Говорю же заводной характер! Притом Курбан меня поддержал. Начертил схему, обозначил на ней ориентиры, все растолковал.

Держись колеи, и все будет хорошо. Ребенок, и тот проедет. Но на прощание предостерег еще раз: Бойся песков! Там нечисто...

И вот я на Устюрте.

Ничто не вызывало опасений. Я уверенно гнал вперед по солончакам и такырам, опустив стекла. Только на большой скорости можно было спастись от нещадного зноя. Часто встречались пухляки этакие озерца мельчайшей невесомой пыли, в которой машина могла утонуть по оси. Перед пухляками дорога разбивалась на десятки рукавов: каждый водитель искал более подходящий объезд. За пухляком рукава снова сходились в единое русло. Основная колея была хорошо накатана, сбиться с нее казалось невозможным.

В точности появлялись приметы, обозначенные Курбаном: тригопункт из пропитанных антисептиком бревен, шест с выцветшей тряпкой на макушке, куча камней, одинокая скала, лысая покрышка...

Постепенно у меня начали слипаться глаза: все же накануне я провел две почти бессонные ночи. Да и монотонность пейзажа убаюкивала...

Вдруг самым краешком угасающего сознания я понял, что сплю, причем давно. Резко ударил по тормозам.

Машина стояла среди чахлых кустиков кейреука. Колеи не

было. Я похолодел, но сумел взять себя в руки. Не паниковать. Не мог я отъехать очень далеко. Сейчас вернемся на трассу по собственным следам.

Но, увы, развернув машину, я убедился, что жесткая, как камень, сожженная солнцем почва почти не сохранила отпечатка протекторов.

Чертыхнувшись, я вылез наружу, забрался на крышу и принялся озираться. Ни-че-го. Наконец, далеко-далеко, у самой линии горизонта, я разглядел крохотную черную точку и тут же припомнил, что следующим маяком должна быть ржавая кабина ЗИЛа. Очевидно, это она и есть.

Я снова сел за руль и погнал вперед. Вскоре солончак кончился, а еще через пару сотен метров я выехал на колею. Она вела в нужном направлении, к запримеченной точке, и все мои сомнения отпали.

Черное пятнышко росло на глазах.

Но это была не кабина ЗИЛа, а остов Урала , почерневший и смятый...

До Урала оставалось с полсотни метров, когда моя тачка забуксовала. Я выглянул в окошко и обомлел: машина по оси сидела в серо-желтом рассыпчатом песке. Песок расстилался повсюду. Поглощенный своими мыслями, я слишком поздно заметил его. И еще: колея здесь обрывалась. Конец дороги. Тупик. Я попросту ехал по следам заблудившегося грузовика...

Бойся песков! тут же вспыхнуло в сознании, и отчего-то подумалось, что в эти слова Курбан вкладывал особый смысл, не только предостережение об опасности забуксовать.

Я снова вылез и осмотрелся.

Машина увязла капитально. Надо было что-то подмостить под колеса. Но что? Не удастся ли оторвать какую-нибудь штуковину от Урала ? Я взял ломик и двинулся к покореженному автомобилю.

В деформированном кузове не сохранилось никаких деревянных деталей: ни скамеек, ни бортов. Я расхаживал по нему, прикидывая, что же подцепить ломиком?

И тут за спиной раздалось сухое шуршание.

Я обернулся.

Происходило что-то непонятное. Такое впечатление, что самопроизвольно перемещался участок поверхности.

Но в следующую секунду меня обуял ужас.

Невиданная тварь пятнисто-землистой расцветки, ромбовидной формы, плоская, как скат, настороженными волнообразными движениями приближалась к Волге. Ее размер по большой диагонали составлял не менее четырех метров. По

периметру шевелились десятки щупальцев, похожих на маленьких змеек, но ни лап, ни глаз, ни пасти существо не имело.

Мои ноги приросли к кузову, позвоночник превратился в каменный столб.

Между тем тварь сложилась в омерзительный рулон и проползла под днищем. Затем развернулась наподобие кошмарного конверта и полностью обволокла автомобиль. Раздался хруст, вылетели стекла, затрещал корпус.

Пластичность чудовища была невероятной. Оно легко складывалось вроде гигантского комка бумаги. Щупальца шарили по салону, поглощая мои припасы.

Время будто остановилось. Я по-прежнему не мог ни пошевелиться, ни выдохнуть.

Вот чудовище отвалилось от машины. Красавица Волга превратилась в смятую и почерневшую железку. А тварь, заметно утолстившаяся, покружилась на месте и... легко заскользила по моим следам.

Опомнившись, я заорал, швырнул в песчаного ската ломик и, спрыгнув по другую сторону кузова, начал карабкаться вверх по склону. Я боялся обернуться. В моих ушах не смолкало страшное шуршание, я обливался холодным потом, представляя, как слизистая масса навалится на меня. Я был на грани безумия и несся, не разбирая дороги, от холма к холму. Падал, поднимался и снова бежал. Сердце выпрыгивало из груди, но ноги, ведомые инстинктом, уносили меня прочь от опасного места. Наконец силы оставили меня, я упал и лишился чувств.

Когда очнулся, стояла глухая ночь. В небе горели звезды, но пространство было насыщено таким густым мраком, что я не различал кончика собственного носа.

Что ж, мне повезло, я сумел чудом избежать гибели. Но остался без воды, пищи и транспорта, кроме того, заблудился. По моим прикидкам, я находился в центре плато, в его неизведанной глуби, а значит, мои шансы выбраться равнялись нулю...

Рассказчик перевел дыхание.

Три дня я брел наугад, похоронив всякую надежду. И вдруг чудо! Верблюды, идущие прямо на меня... Он горько усмехнулся: Да только какая мне радость? Что я скажу хозяину? Как расплачусь? Надо разыскать Курбана. Он знает...

С разъезда донесся гудок тепловоза. Состав собирался в обратный путь, в Кунград. Мы предложили нашему гостю отправиться туда, благо, и машинист, и продавец были нам хорошо знакомы. Алик охотно согласился, и мы проводили его, собрав на дорогу немного денег.

За затянувшимся ужином мы долго обсуждали услышанную

историю. Поначалу говорили о том, что много, мол, еще на земле непознанных тайн и чудес, и Устюрт, которого мы коснулись лишь с краешку, конечно же, не исключение.

Но вскоре верх взял здоровый скептицизм. Мы сошлись на том, что Алик и вправду заснул за рулем и перевернул или же разбил машину. А затем сочинил небылицу, чтобы хоть как-то оправдаться перед начальником. Шоферская байка.

Еще более прагматичную версию выдвинул наш бригадир Илья Загудиллин:

Большой хитрец, этот мужик вот что я вам скажу! Да он просто втридорога продал машину какому-нибудь чабану. (В ту пору почему-то считалось, что у каждого чабана мешок денег.) Тот ему и сопровождающего дал до Кунграда. А теперь напускает туману...

На том и порешили.

Позднее и в Кунграде, и в Чимбае, и в Тахиаташе, и в Ходжейли я настойчиво расспрашивал местных жителей о песчаном чудовище, но те лишь недоуменно пожимали плечами либо отмалчивались. На долгие годы я выбросил рассказ шофера из головы.

Но лет десять спустя, когда я благополучно обитал уже в Ташкенте, судьба свела меня с интересным человеком, геологом Сашей Суспенцевым, обошедшим пешком едва ли не всю Среднюю Азию.

Как-то раз за бутылкой превосходного Ок мусаласа мы заговорили об Устюрте, откуда Саша только что вернулся. Нежданно мне вспомнилась та давняя история, и я пересказал ее приятелю. Саша известный насмешник, и я ожидал если не взрыва хохота, то наверняка язвительных реплик.

Но Саша слушал меня серьезно, а когда я закончил, призадумался.

Знаешь, проговорил, наконец. У кочевников существует табу на всякое упоминание о таинственных силах. Чтобы не накликать беды на свою юрту. Даже если песчаный скат существует, никто об этом не скажет. Я никогда не слышал ни о чем подобном, хотя немало общался с кочевниками. Кстати, песчаные массивы, и довольно обширные, на Устюрте не редкость.

Но вот, слушай, какая однажды приключилась история...

Мы бурили разведочную скважину к юго-западу от Сарыкамышской впадины. Как-то раз двое наших поехали поохотиться на сайгаков. К ночи они не вернулись. У нас был вертолет, и с утра мы отправились на поиски. Машину обнаружили примерно в шестидесяти километрах к западу. Она... она была почерневшей и скомканной, как консервная банка.

Рядом валялись ружья. Без прикладов. А стволы были завязаны узлом. Неподалеку простирался большой песчаный массив... Саша посмотрел мне прямо в глаза и добавил: Если когда-нибудь нелегкая снова занесет на Устюрт, бойся песков!

Редакция ждет от читателей новых сообщений в рубрику Были-небыли.